

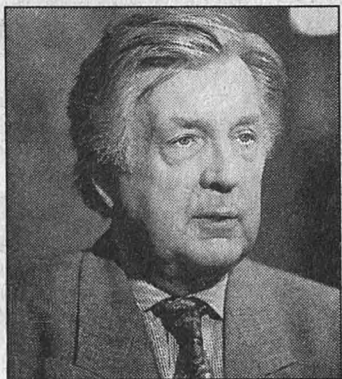
Он — ничей. Только Божий

В Манеже открылась выставка Ильи Глазунова

Денис АНАТОЛЬЕВ

Новая выставка Глазунова — это сто новых картин плюс короткая ретроспектива сделанного ранее. Количество старых работ, выставленных в Манеже, подсчитать не решился никто из журналистов, собравшихся на пресс-конференции. Герой дня на нее опоздал, признался в любви к акулам пера и заботливо представил им своих учеников и коллег, помогавших ему оформить выставку, которую организовали благодаря московскому правительству.

На долгожданную «Мистерию двадцатого века-2» и «Разгром храма в пасхальную ночь» теперь могут посмотреть все желающие. Равно как и на скромно задвинутые в глубь Манежа полотна — вроде бледно-печального «Последнего листа» (помните О'Генри и его умиравшую осенью художницу?) или полупрозрачного «Русского романа» — на редкость воздушного. Глазунов снова думает о державности и православии, а обыкновенных человеческих чувств почти что стесняется — оттого, наверное, так дьявольски хороша «Обнаженная на красном диване», несколько не смахивающая на пресловутую блудницу в «Разгроме...».

Глазунов сегодняшний куда более пессимистичен, чем Глазунов времен легендарной «прикрытой» выставки. «Оптимист — это плохо реформированный пессимист», — шутит Глазунов. Илья Сергеевич (на проговаривании отчества он настаивает), кажется, реформироваться и не собирался.

Он более чем далек от жизне-радостного идиотизма. Он почти впадает в хаос, почти растерян в сотнях лиц своего мистического двадцатого века и — в многочисленных автопортретах. Он очень устал от современной России, в которой продаются дети и женщины. Он устал и от нас, горячо любимых. Даже вспоминает Есенина, который кричал надоевшим политикам: «Отвяжитесь от меня! Я — ничей. Я Божий».

Веч. Москва. — 1999. — 27 дек. — с. 1